

ОТ РЕГИОНАЛИЗМА К ТРАНСРЕГИОНАЛИЗМУ: ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ НОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Ксения Александровна Ефремова

*Московский государственный институт международных отношений (Университет)
МИД России, Москва, Россия*

<p>Информация о статье: <i>Поступила в редакцию:</i> 19 декабря 2016 <i>Принята к печати:</i> 27 февраля 2017</p>	<p>Аннотация: Регионализм как феномен международных отношений имеет давнюю историю, берущую начало в послевоенные годы. Он хорошо изучен как теоретически, так и практически. Исследователям не составляет труда идентифицировать «старый» и «новый» регионализм, объяснить его логику. Вместе с тем, классическая теория регионализма не позволяет осмыслить современные процессы межрегиональной и трансрегиональной интеграции, разворачивающиеся на наших глазах. Общим для них является то, что все они связаны с процессом глобализации и представляют собой коллективную реакцию на него, варьирующуюся от региона к региону. Вместе с тем, цели и масштаб их существенно разнятся. Регионализм опирается на межгосударственное и, шире, транснациональное сотрудничество в пределах международного региона. Он подчиняется логике установления институционализированных взаимосвязей, которые могут принимать различные формы – от регулярных консультаций на министерском уровне до создания наднациональных органов и выработки общей согласованной политики. Межрегиональное сотрудничество развивается на базе институционализированных соглашений между государствами-представителями двух и более международных регионов, которые могут выступать как поодиночке (так называемый квази- или гибридный межрегионализм), так и в составе региональной организации или неформального регионального блока. Логика межрегионализма основывается на стремлении расширить географию экономического взаимодействия за счёт выхода на новые региональные рынки. В основе трансрегионального сотрудничества, напротив, лежат, в первую очередь, политические факторы, а именно, стремление отдельных государств, разделяющих общие ценности, объединиться ради более эффективного участия в глобальном управлении. Предполагается, что исследования регионализма, межрегионализма и трансрегионализма могут внести существенный вклад в развитие современной теории международных отношений.</p>
<p>Об авторе: к.полит.н., доцент, Кафедра востоковедения, МГИМО МИД России e-mail: efremova@mgimo.ru</p>	
<p>Ключевые слова: регион, макрорегион, регионализация, регионализм, межрегионализм, интеррегионализм, трансрегионализм</p>	

Проблемы регионального, межрегионального и трансрегионального сотрудничества приобретают сегодня особое звучание, привлекая внимание всё большего числа отечественных и зарубежных исследователей. Современный мир стремительно меняется, меняются и наши представления о нём. Ещё недавно популярные теории региональной интеграции уже не отражают всей картины происходящего. На смену им приходят концепции межрегионального и трансрегионального взаимодействия, кроссрегиональные и макрорегиональные подходы. Несмотря на обилие работ, посвященных исследованию конкретных регионов, доля

теоретических изысканий в этом объёме научной литературы весьма невелика¹. Регио-

¹ Среди недавних обзорных статей, рассматривающих вопросы терминологии региональных исследований, нужно упомянуть следующие: Кузнецов Д.А. Феномен трансрегионализма: проблемы терминологии и концептуализации // Сравнительная политика. – 2016. – № 2. – С. 14-25 [Kuznetsov, D.A. Fenomen transregionalizma: problemy terminologii i kontseptualizatsii (The phenomenon of transregionalism: Problems of Terminology and Conceptualization) // *Sravnitel'naiia politika*, 2016, No. 2, pp. 14-25]; Прохоренко И.Л. Новый регионализм и трансформация международного порядка // Пути к миру и безопасности. – 2015. – № 2. –

нальный срез международных отношений открывает сравнительно новый пласт фактического материала, лишь отчасти затронутого политической теорией. В силу своей малоизученности он представляет особый интерес для учёных-международников.

Начиная разговор о регионализме и его модификациях, обратимся к его истории. Регионализм как явление международной жизни зародился в середине прошлого столетия, когда страны Западной Европы начали предпринимать первые попытки регионального объединения на внеблоковой основе. Главной задачей подобного рода объединений, ставивших перед собой, в первую очередь, экономические цели, было преодоление взаимных страхов и противоречий, унаследованных от прошлого. Аналогичные процессы происходили в Юго-Восточной и Южной Азии, на Ближнем и Среднем Востоке, в Африке и Латинской Америке. Параллельно создавались и трансрегиональные военно-политические и политико-экономические группировки, такие как НАТО, СЕАТО, СЕНТО, АНЗЮС, АНЗЮК, АЗПАК и др.

Распад биполярной системы придал новый импульс развитию региональной, межрегиональной и трансрегиональной интеграции. После окончания «холодной войны» процессы регионализации, долгое время оставшиеся в тени глобального противостояния сверхдержав, вышли на поверхность, стимулировав интерес экспертного и академического сообщества к их изучению. За прошедшие четверть века теоретические подходы, претендующие на описание и объяснение постбиполярных реалий, значительно эволюционировали. В связи с этим ниже мы рассмотрим основные концепции, связанные с понятиями регионализма, межрегионализма и трансрегионализма, в их взаимной соотносённости, а также проследим трансформацию заложенных в них смыслов. Но прежде чем перейти к анализу данных терминов, определим само понятие «регион», являющееся ключевым для их адекватного понимания.

Регион (Region)

Дискуссия о природе региона насчитывает не один десяток лет². Если вкратце

C. 20-28 [Prokhorenko, I.L. *Novyi regionalizm i transformatsiia mezhdunarodnogo poriadka* (The New Regionalism and Transformation of the World Order) // *Puti k miru i bezopasnosti*, 2015, No. 2, pp. 20-28]; Воскресенский А.Д. Концепции регионализации, региональных подсистем, региональных комплексов и региональных трансформаций в современных международных отношениях // *Сравнительная политика*. – 2012. – № 2. – С. 30-58 [Voskresenskii, A.D. *Kontseptsii regionalizatsii, regional'nykh podsystem, regional'nykh kompleksov i regional'nykh transformatsii v sovremennykh mezhdunarodnykh otnosheniakh* (Concepts of Regionalization, Regional Subsystems, and Regional Transformations in the Contemporary IR) // *Sravnitel'naia politika*, 2012, No. 2, pp. 30-58]; Börzel, T.A. *Theorizing Regionalism: Cooperation, Integration, and Governance* // *Oxford Handbook of Comparative Regionalism* / Ed. by T.A. Börzel, T. Risse. Oxford: Oxford University Press, 2016. Pp. 1-29; Gardini, G.L., Malamud, A. *Debunking Interregionalism: Concepts, Types and Critique – With a Transatlantic Focus* // *Atlantic Future Working Paper*, 2015, No. 38, pp. 22-24; Fjäder, C. *Regionalism in Asia and Europe in a Theoretical Perspective: 'Rationalist' and 'Ideational' Approaches* // *Asia-Pacific Journal of EU Studies*, 2012, Vol. 10, No. 1, Vol. 73-101; и др.

² Среди недавних публикаций на эту тему стоит назвать следующие: Мировое комплексное регионоведение: учебник / Под ред. проф. А.Д. Воскресенского. – М.: Магистр; ИНФРА-М, 2014. – 416 с. [Mirovoe kompleksnoe regionovedenie: uchebnik. (World Regional Studies: A Textbook) / Ed. by Prof. Alexei D. Voskresenski. Moscow: Magistr; INFRA-M, 2014. 416 p.]; Киреев А.А. Понятие «регион» и предметно-методологические проблемы регионоведения // *Регионалистика*. – 2014. – Т. 1. – № 1. – С. 18-32 [Kireev, A.A. *Poniatie «region» i predmetno-metodologicheskie problemy regionovedeniia* (The Concept of Region and Subject-Methodological Issues of Regional Studies) // *Regionalistika*, 2014, Vol. 1, No. 1, pp. 18-32.]; Межевич Н.М. Определение категории «регион» в современном научном дискурсе // *Псковский регионалогический журнал*. – 2006. – № 2. – С. 3-22 [Mezhevich, N.M. *Opredelenie kategorii «region» v sovremennom nauchnom diskurse* (Definition of the Region in the Contemporary Scholarly Discourse) // *Pskovskii regionologicheskii zhurnal*, 2006, No. 2, pp. 3-22]; Каримова А.Б. Регионы в современном мире // *Социологические исследования*. – 2006. – № 5. – С. 32-41 [Karimova, A.B. *Regiony v*

суммировать её основные направления, то можно выделить два базовых подхода к онтологии региона: регион как самостоятельная сущность и регион как аналитический конструкт. Сторонники первого подхода (реалисты, эмпирицисты) полагают, что регионы существуют сами по себе, независимо от взглядов и убеждений исследователя. По их мнению, мир безусловно членится на регионы «без остатка», а границы между регионами являются чётко зафиксированными и относительно постоянными. Конфигурацию региона можно однозначно определить исходя из комплекса его физико-географических, социально-экономических, военно-политических, культурно-религиозных и прочих характеристик. Примером подобного анализа являются географический и (в меньшей степени) цивилизационный подходы.

Географический подход опирается на физико-географические критерии выделения регионов, различая шесть частей света (макрорегионов), которые, в свою очередь, подразделяются на регионы и субрегионы. Вместе с тем, такое, казалось бы, самоочевидное деление не является исключительным: возможна и альтернативная трактовка, отталкивающаяся не от крупных массивов суши (Северная и Южная Америка, Европа, Азия, Африка, Австралия), а от прибрежных зон мирового океана. По этому принципу выделяют Арктический, Евро-Атлантический, Азиатско-Тихоокеанский, Индоокеанский регионы. Таким образом, географический подход не позволяет однозначно разделить земную поверхность на непересекающиеся региональные сегменты.

Ещё сложнее обстоит дело с цивилизационным подходом, опирающимся на

культурно-демографические критерии. Чтобы провести чёткие границы между зонами расселения народов, принадлежащих к той или иной расе, исповедующих ту или иную религию, обладающих той или иной культурой, исследователям приходится признавать наличие анклавов, эксклавов и лимитрофов, подчас распространяющихся на целые географические регионы (например, «пограничная» в цивилизационном отношении Юго-Восточная Азия). Цивилизационное определение региона как относительно гомогенного пространства, характеризующегося специфической однородностью географических, природных, экономических, социально-исторических, национально-культурных условий, очень расплывчато и с трудом поддается операционализации. А самое главное, даже признавая наличие «ядра» локальных цивилизаций, исследователи затрудняются установить, где именно проходит граница между различными цивилизациями (особенно это заметно на примере полуострова Индостан, где сталкивается индуистское и мусульманское культурное влияние).

Приверженцы второго подхода к вычленению регионов (конструктивисты, постмодернисты) полагают, что само понятие региона представляет собой аналитический конструкт, существующий в воображении исследователя, который может «накладываться» на объективную реальность с целью систематизации и типологизации её объектов. Проведённые таким образом границы являются произвольными (конвенциональными) и могут взаимно пересекаться, не нарушая стройности аналитической конструкции. Так, например, конфигурация региона может меняться в зависимости от того, рассматриваются ли параметры региональной системы безопасности, культурно-исторических взаимосвязей или торгово-экономического сотрудничества между сопредельными странами. Ключевыми понятиями здесь являются идентификация и самоидентификация (чувство принадлежности к региону, или *regionness*), позволяющие провести региональные границы с учётом мнения самих народов, населяющих регион, и их ближайшего окружения.

---

sovremennom mire (Regions in the Contemporary World) // *Sotsiologicheskie issledovaniia*, 2006, No. 5, pp. 32-41]; Langenhove, L. Van. What Is a Region? Towards a Statehood Theory of Regions // *Contemporary Politics*, 2013, Vol. 19, No. pp. 474-490; Agnew, J.A. Arguing with Regions // *Regional Studies*, 2013, Vol. 47, No. 1, pp. 6-17; Paasi, A. The Region, Identity, and Power // *Procedia – Social and Behavioral Science*, 2011, Vol. 14, No. 1, pp. 9-16; Fawn, R. 'Regions' and Their Study: Wherefrom, What for and Whereto? // *Review of International Studies*, 2009, Vol. 35, Supplement S1, pp. 5-34; и др.

Таким образом, понятие региона превращается из умозрительной конструкции в удобный, рабочий аналитический инструмент. Вместе с тем, данный подход не учитывает реальные различия, которые существуют между отдельными сегментами земной поверхности и населяющего её социума, заменяя их различиями воображаемыми. Как следствие, границы региона оказываются лабильными, что затрудняет его комплексное изучение.

Какая же точка зрения верна? На этот вопрос нет однозначного ответа. Человеческое сообщество, безусловно, является неоднородным (что говорит о справедливости первого подхода), но при этом оно само осознаёт эту однородность и пытается её зафиксировать в конвенциональных терминах (что свидетельствует в пользу второго подхода). По всей видимости, отчасти правы и те, и другие. Для успешного, плодотворного анализа региональных, межрегиональных и трансрегиональных процессов необходимо комплексное, синкретическое определение региона, учитывающее обе точки зрения. Как указывал известный американский географ Джон Энью, «регионы отражают и [объективные] различия в мире, и представления об этих различиях»³. Стремление свести понимание региона к какой-то одной составляющей он считал контрпродуктивным.

Идейное противостояние реалистов и конструктивистов наглядно проявляется в попытках концептуализировать понятие «регион». Так, например, сам Джон Энью, несмотря на заявленную попытку синтеза, определял регион как «однородную часть пространства, обладающую устойчивой отчётливостью благодаря своим физическим и культурным характеристикам»⁴, что, безусловно, ближе к эмпирическому подходу. В то же время его британский коллега Рик Фон утверждал, что «регион существует там, где акторы (включая правительственных) определяют и провозглашают свою

особую [региональную] идентичность»⁵, что соответствует нормативному подходу. Встречаются и попытки синтеза двух противоположных подходов. Так, финский географ Ансси Пааси называет регионы «исторически обусловленными социальными процессами», которые «были институционализированы в ходе более широкой региональной трансформации и могут впоследствии деинституционализироваться, слившись с другими региональными пространствами или распавшись на более мелкие части»⁶. В данном определении подчёркивается как эмпирическая составляющая понятия «регион» (наличие определённого «регионального пространства»), так и его нормативная составляющая (способность к институционализации / деинституционализации).

А. Пааси выделяет четыре стадии процесса формирования региона: (1) территориальное оформление (т.е. образование «жёстких» либо «мягких» границ); (2) символическое оформление (т.е. появление у региона названия и прочих символов, позволяющих его идентифицировать); (3) институциональное оформление (т.е. появление институтов, создающих и воссоздающих соответствующие территориальные и символические формы); и (4) формирование региона как части региональной системы и общественного сознания (т.е. появление особой региональной идентичности). Идентичность, в свою очередь, состоит из двух элементов: идентичность самого региона и идентичность регионального самосознания людей, его населяющих, и сознания людей, живущих за его пределами⁷. Таким образом, в трактовке А. Пааси органично соединяются эмпирический и нормативный аспекты концептуализации понятия «регион».

Ещё одним противоречием, касающимся природы региона, является выбор базового основания для его вычленения. Часть ис-

³ Agnew, J. Regions on the Mind Does Not Equal Regions of the Mind // *Progress in Human Geography*, 1999, Vol. 23, No. 1, p. 93.

⁴ Agnew, J.A. Arguing with Regions // *Regional Studies*, 2013, Vol. 47, No. 1, p. 7.

⁵ Fawn, R. 'Regions' and Their Study: Wherefrom, What for and Where? // *Review of International Studies*, 2009, Vol. 35, Supplement S1, p. 13.

⁶ Paasi, A. The Region, Identity, and Power // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 2011, Vol. 14, No. 1, pp. 10-11.

⁷ Ibid. Pp. 12-13.

следователей считает, что регионы следует выделять по формальным признакам (например, по степени однородности наблюдаемых в нём характеристик), тогда как другая часть настаивает на применении функциональных критериев (например, степени внутренней взаимосвязанности составляющих его элементов). Формальный подход в большей мере характерен для культурологических исследований, тогда как функциональный подход типичен для экономических, социологических и политологических работ. Например, классическая теория локальных цивилизаций Арнольда Тойнби⁸ основана на формальном подходе, а широко известная концепция «региональных комплексов безопасности» Барри Бузана и Оле Уэвера⁹ представляет собой яркий пример функционального подхода.

Важность дискуссии о природе региона обусловлена практической задачей адекватной систематизации имеющегося научного знания о мире, разделённом на региональные сегменты. Для того, чтобы построить таксономию регионов, нужны чёткие критерии, позволяющие оценивать качество соответствующих схем. Набор таких критериев предложили американские исследователи Мартин Льюис и Карен Уиджен, разработавшие десять принципов «критической метагеографии»¹⁰:

1. Отказ от картографического этноцентризма.
2. Отказ от географического детерминизма.
3. Последовательное применение выбранных критериев.
4. Чёткость и недвусмысленность определения региона.
5. Точность формулировок того, что включено и что не включено в критерии определения региона.

⁸ Тойнби А. Дж. Постигание истории. Сборник / Пер. с англ. Е. Д. Жаркова. – М.: Рольф, 2001. – 640 с. [Toynbee, A. Dzh. Postizhenie istorii. Sbornik (Study of History) / Transl. by E.D. Zharkov. Moscow: Rol'f, 2001. 640 p.]

⁹ Buzan, B.; Wæver, O. Regions and Powers: The Structure of International Security. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 564 p.

¹⁰ Lewis, M.W. The Myth of Continents: A Critique of Metageography / M.W. Lewis, K.E. Wigen. Berkeley-Los Angeles, CA: University of California Press, 1997. Pp. 194-200.

6. Использование однотипных критериев при определении регионов.

7. Отказ от присвоения регионам идеологизированных ярлыков.

8. Обозначение исторического контекста, в котором используется данное определение региона.

9. Понимание пределов применения любой региональной схемы.

10. Креативное картографическое видение, способность к разработке новых региональных схем, альтернативных уже имеющимся.

Использование данных принципов позволяет исследователям самостоятельно оценивать создаваемые ими таксономии регионов, исходя из степени их соответствия обозначенным требованиям. Таким образом, процесс разделения мира на непересекающиеся региональные сегменты становится более упорядоченным и отвечающим строгой научной логике.

Задача построения таксономии регионов, однако, осложняется тем, что само понятие региона (как бы мы его ни определяли), подразумевает наличие таксонов трёх пересекающихся уровней: внутривосточного, международного и трансграничного. Внутривосточные регионы, как правило, являются результатом административно-территориального деления (например, Центральный федеральный округ или Московская область), но могут отражать и неформальные различия, являющиеся значимыми для (само)идентификации тех или иных территорий (например, Сибирь или Поволжье). Международные регионы образуются в ходе взаимодействия государств и квазигосударственных образований, в том числе и переходящего на наднациональный уровень (например, Ближний Восток или Европейский Союз). И, наконец, трансграничные регионы формируются в процессе углубления кооперации между приграничными областями нескольких государств (например, «треугольники» и «четырёхугольники» роста в Юго-Восточной Азии).

Регионализм (Regionalism)

Формирование регионов тесно связано с такими понятиями как «регионализация»

и «регионализм». В российской академической традиции принято противопоставлять две эти категории: считается, что регионализация обозначает процесс образования региона, инициированный негосударственными акторами (прежде всего, бизнесом) и развивающийся «снизу вверх», тогда как регионализм предполагает сознательное конструирование региона «сверху вниз» на межправительственном уровне¹¹. Вместе с тем, существуют и другие трактовки этих многозначных терминов. Так, профессор Оксфордского университета Эндрю Харрел рассматривает регионализацию как одну из разновидностей регионализма. Всего он выделяет пять таких разновидностей¹²:

1. *Регионализация (regionalization, или soft regionalism)* – процесс неформальной интеграции в рамках региона, движущей силой которого является социальное и экономическое взаимодействие между различными деловыми структурами, общественными организациями и частными лицами. Регионализация приводит к укреплению экономической взаимозависимости и характеризуется наличием более тесных взаимосвязей в рамках географического региона по сравнению с теми, которые существуют между этим регионом и другими частями земного шара. Этот процесс развивается относительно автономно, хотя, как правило, он всё же испытывает некоторое влияние со стороны заинтересованных государств.

Регионализация подразумевает также увеличение миграционных потоков, создание многочисленных информационных каналов и комплексных социальных сетей, благодаря которым идеи, политические предпочтения и образы мышления распространяются из одной области в другую.

¹¹ Мировое комплексное регионоведение: учебник / под ред. А.Д. Воскресенского. – М.: Магистр; ИНФРА-М, 2014. – С. 109. [Mirovoe kompleksnoe regionovedenie : uchebnik (World Regional Studies: A Textbook) / Ed. by Alexei D. Voskressenski. Moscow: Magistr; INFRA-M, 2014. P. 109.]

¹² Hurrell, A. Regionalism in Theoretical Perspective // Regionalism in World Politics: Regional Organizations and International Order / Ed. by L. Fawcett, A. Hurrell. Oxford: Oxford University Press, 1995. Pp. 37-73.

Это способствует формированию в пределах данного региона транснационального гражданского общества, которое подрывает монолитный характер государства и ведёт к созданию межправительственных альянсов, развитию многоуровневых трансграничных взаимодействий, появлению новых форм идентичности над- и субнационального уровня. Перемещение товаров, капитала и рабочей силы сближают между собой государства или их отдельные территории, создавая новые международные и/или трансграничные регионы.

2. *Формирование регионального самосознания и идентичности (regional awareness and identity)* – складывание разделяемого всеми жителями региона представления о принадлежности к определённом сообществу, формирующегося под влиянием внутренних и внешних факторов. К внутренним факторам относятся общая культура, история и религиозные традиции, а к внешним – образ «другого», отталкиваясь от которого, региональное сообщество осознаёт свою самобытность. Чаще всего, образ «другого» связан с восприятием угроз региональной безопасности (как, например, в случае Латинской Америки, опасющейся гегемонизма США) или культурного вызова (как, например, в случае противопоставления Запада и не-Запада, практикуемого многими азиатскими, африканскими, латиноамериканскими и евразийскими идеологами). Сформулированная таким образом региональная идентичность имеет глубокие исторические корни и основывается на определении региона и тех ценностей и смыслов, которые он олицетворяет.

3. *Региональное межгосударственное сотрудничество (regional interstate co-operation)* – заключение межгосударственных и/или межправительственных соглашений, создание соответствующих международных режимов. Региональное сотрудничество может подразумевать образование формальных международных институтов, однако это не является его непременным условием: в ряде случаев, оно организуется на неформальной основе, включающей согласованные правила и механизмы проведения регулярных встреч глав государств и правительств или министров, курирующих те или

иные направления сотрудничества. Характерно то, что высокая степень институционализации многостороннего диалога не гарантирует его эффективности или политической значимости: нередко международные организации, созданные для решения региональных проблем, в силу своей забюрократизированности или поляризованности позиций их участников не в состоянии справиться с возложенными на них задачами. И наоборот, неформальные консультации могут оказаться намного результативнее формальных переговоров.

Институты и режимы, возникающие в ходе межгосударственных соглашений, могут создаваться как средство оперативного реагирования на внешние угрозы и вызовы, как инструмент согласования региональных позиций в международных организациях или переговорных площадках, или как механизм решения общих проблем, в том числе возникающих в результате усиливающейся региональной взаимозависимости. В отличие от некоторых других разновидностей регионализма, сотрудничество такого рода является государственноцентричным, задуманным с целью защитить роль государства и укрепить власть правительства.

4. *Целенаправленная региональная интеграция (state-promoted regional integration)*, или регионализм в узком смысле этого слова – политика, осознанно проводимая государствами региона, ориентированная на сокращение либо полную отмену барьеров на пути взаимного обмена товарами, услугами, капиталами и рабочей силой. Региональные интеграционные процессы классифицируются исходя из их объёма (т. е. широты охвата рассматриваемых проблем), глубины (т. е. степени гармонизации национальных политик), институционализации (т. е. наличия формальных институтов) и централизации (т. е. образования наднациональных органов, отвечающих за проведение общерегиональной политики). Кроме сугубо экономической составляющей, процесс региональной интеграции может включать в себя формирование сообщества безопасности и/или социокультурного сообщества (как, например, это имеет место в случае ЕС или АСЕАН).

5. *Региональная консолидация (regional cohesion)* – формирование консолидирован-

ного регионального пространства, ставшее итогом параллельного развития четырёх вышеупомянутых процессов: регионализации, поиска региональной идентичности, регионального межгосударственного сотрудничества и сознательной политики региональной интеграции. Консолидация может пониматься двояко: (1) как появление особого, регионального уровня во взаимоотношениях стран региона с окружающим миром; и (2) как складывание особой, региональной политики в отношении широкого круга региональных проблем. Для внешних игроков регионализм становится политически значимым тогда, когда он вынуждает окружающие державы выстраивать двусторонние отношения с государствами региона с учётом регионального фактора. Для самих государств региона регионализм обретает значимость тогда, когда оставаться в стороне от региональных процессов становится и политически, и экономически невыгодно. Таким образом, консолидированный регион приобретает самостоятельную роль в международных отношениях.

Существует несколько потенциальных моделей региональной консолидации. Первая модель подразумевает создание наднациональных институтов в контексте углубляющейся экономической интеграции. Вторая модель предполагает заключение серии взаимосвязанных и институционально крепких международных соглашений или режимов. Третья модель предусматривает сочетание традиционного межгосударственного и нарождающегося надгосударственного взаимодействия. Четвёртая модель опирается на развитие консociативных конфедеративных подходов. Пятая модель характеризуется наличием «неосредневекового» регионального порядка, в котором принципы территориальности и суверенитета уступают место пересекающимся идентичностям и влияниям. И, наконец, шестая модель базируется на концепции регионального гегемона, который при наличии сильных региональных институтов (или при их отсутствии) проводит политику доминирования в отношении других стран региона.

К пяти разновидностям регионализма, описанных Э. Харрелом, следует добавить

шестую, а именно, *регионализм как процесс макрорегионализации*, выступающей в качестве альтернативной (или, в другой трактовке, промежуточной) формы глобализации. Макрорегионализация характеризуется «стяжением» регионального пространства в макрорегиональные комплексы, представляющие собой прообразы полюсов мировой системы. Как отмечает профессор МГИМО МИД России А.Д. Воскресенский, «подобный процесс даёт возможность различным странам:

- участвовать в глобализации в щадящем варианте, не испытывая давления со стороны всей мировой экономики;

- резко подтягивать менее развитые государства макрорегиона, предоставляя им преференции и инвестируя в их экономику;

- улучшать позиции бизнеса более развитых стран, получающего расширение географической зоны действий в льготном варианте;

- укреплять геополитические позиции, поскольку масштабы становятся намного крупнее и интеграционная группировка способна гораздо лучше коллективно защищать своих членов от иностранной конкуренции»¹³.

Как мы видим, понятие макрорегиональных комплексов тесно связано с идеей регионализации и является её логическим продолжением (и развитием) в новых международных условиях. Ядром и движущей силой процессов макрорегионализации выступают, с одной стороны, крупные региональные державы (такие как Китай, Индия, Австралия), а с другой, региональные объединения малых и средних государств (такие как АСЕАН). Таким образом, процесс «стяжения» регионов является, безусловно, выгодным и для крупных, и для малых игроков, стремящихся обеспечить свои экономические и политические интересы в ходе нарастающей глобализации мировой эконо-

мики. В то же время, процессы макрорегионализации могут стимулироваться не только экономическими, но и секьюритарными факторами: примером тому является формирование макрорегионального комплекса Большого Ближнего Востока, включающего не только арабские страны и Израиль, но и близлежащие государства Среднего Востока и Центральной Азии.

Становление регионализма как аналитической концепции прошло два этапа. Принято выделять «старый» (1950-е – 1960-е гг.) и «новый» (со второй половины 1980-х гг.) регионализм. «Старый» регионализм опирался в основном на европейский опыт и был связан с теориями федерализма, функционализма и неофункционализма. В его основе лежало убеждение в необходимости ограничить государственный суверенитет, передав часть его наднациональным органам или международным организациям. Предполагалось, что этому будет способствовать более тесное экономическое сотрудничество между заинтересованными странами: формирование зоны свободной торговли приведёт к появлению сначала таможенного союза, а затем общего рынка, экономического союза и политического союза (теория венгерского экономиста Белы Балаши)¹⁴.

Однако практика показала, что переход от экономической кооперации к сотрудничеству в сферах политики и безопасности возможен только в том случае, если он отвечает национальным интересам государств, участвующих в этом процессе. Осознание данного факта экспертно-аналитическими кругами способствовало развитию концепции «нового» регионализма, ставящего в центр своего анализа национальное государство, подверженное вызовам интернационализации и глобализации экономики. География региональных исследований значительно расширилась благодаря компаративным исследованиям азиатского, африканского, латиноамериканского и североамериканского опыта. Регионализм стал рассматриваться как вариант глобализации

¹³ «Большая Восточная Азия»: мировая политика и региональные трансформации / под ред. А.Д. Воскресенского. – М.: МГИМО-Университет, 2010. – С. 93-94. [«Bol'shaia Vostochnaia Aziia»: mirovaia politika i regional'nye transformatsii (Greater East Asia: World Politics and Regional Transformations) / Ed. by Alexei D. Voskressenski. Moscow: MGIMO-Universitet, 2010. Pp. 93-94.]

¹⁴ Hettne, B. Beyond the 'New' Regionalism // *New Political Economy*, 2005, Vol. 10, No. 4, pp. 545-546.

и, одновременно, как протекционистская реакция на неё¹⁵.

Межрегионализм (Interregionalism)

«Старый» регионализм был феноменом «холодной войны», в то время как «новый» регионализм формировался под воздействием многополярного мироустройства, являясь частью процессов глобальной структурной трансформации. Эти изменения затронули и сами регионы, которые из географических объектов, где разворачивалось действие вне-региональных и региональных сил, превратились в самостоятельных акторов мировой политики. Как акторы, они приобрели определённую субъектность, персонифицированную, как правило, в лице региональной организации (ЕС, АСЕАН и др.). Региональные организации начали взаимодействовать друг с другом на регулярной основе. Так появилось понятие межрегионального сотрудничества, т. е. сотрудничества между регионами.

Сам термин «межрегионализм» (или, как его иногда переводят, «интеррегионализм») вошёл в лексикон политической науки сравнительно недавно, но уже породил значительный объём научной литературы, посвящённой теоретическому осмыслению этого феномена¹⁶. Под межрегионализмом чаще всего понимается институционализация отношений между двумя региональными группировками (например, формат

ЕС-МЕРКОСУР). Выделяют и гибридные формы межрегионализма, когда отношения устанавливаются между региональной организацией (организациями) и отдельным государством¹⁷ или группой государств, расположенными в другом регионе (например, формат «АСЕАН+3» или АСЕМ). Кроме того, о межрегионализме можно говорить и тогда, когда имеет место диалог между двумя или несколькими неинституционализированными группами государств из разных регионов мира (например, Форум восточноазиатско-латиноамериканского сотрудничества). Принципиальным моментом здесь является наличие ярко выраженных региональных блоков, представляющих соответствующие регионы. В этом смысле АТЭС, в рамках которой не выделяется подобных блоков, не может считаться полноценным межрегиональным объединением (скорее, это макро-региональная организация)¹⁸.

Таким образом, как отмечает швейцарский учёный Хайнер Хэнгги, межрегиональными являются отношения:

- региональной организации с региональной организацией;
- региональной организации с региональной группой;
- региональной группы с региональной группой.

Кроме того, Х. Хэнгги различает «старый» межрегионализм, характерный для ЕЭС в период «холодной войны», и «новый» межрегионализм, сложившийся после окончания биполярного противостояния. Принципиальным отличием «старого» и «нового» межрегионализма Х. Хэнгги считает то, что первый был сконцентрирован на проблеме акторов, тогда как второй сфокусирован на

¹⁵ Ibid. P. 548.

¹⁶ Из недавних публикаций заслуживают внимания следующие работы: Gardini, G.L.; Malamud, A. *Debunking Interregionalism: Concepts, Types and Critique – With a Transatlantic Focus* // *Atlantic Future Working Paper*; 2015, No. 38, pp. 1-23; Baert, F.; Scaramagli, T.; Söderbaum, F. *Introduction: Intersecting Interregionalism* // *Intersecting Interregionalism. Regions, Global Governance and the EU*. Dordrecht: Springer Netherlands, 2014. Pp. 1-12; Doidge, M. *Joined at the Hip: Regionalism and Interregionalism* // *Journal of European Integration*, 2007, Vol. 29, No. 2, pp. 229-248; Hänggi, H. *Interregionalism as a Multifaceted Phenomenon: In Search of a Typology* // *Interregionalism and International Relations: A Stepping Stone to Global Governance?* / Ed. by H. Hänggi, J. Rüländ, R. Roloff. N.Y.-L.: Routledge, 2005. Pp. 31-62; и др.

¹⁷ По мнению Х. Хэнгги, отношения региональной организации с отдельным государством, принадлежащим другому региону, корректнее называть не межрегиональными, а квазимежрегиональными. В литературе встречается и другое наименование для отношений такого типа – гибридный межрегионализм.

¹⁸ Hänggi, H. *Interregionalism as a Multifaceted Phenomenon: In Search of a Typology* // *Interregionalism and International Relations: A Stepping Stone to Global Governance?* / Ed. by H. Hänggi, J. Rüländ, R. Roloff. N.Y.-L.: Routledge, 2005. Pp. 34-42.

проблемах системного уровня. Отношения региональной организации с региональной группой и региональной группы с региональной группой (менее формальные, чем сотрудничество между региональными организациями), по его мнению, присущи в основном «новому» межрегионализму. Именно они получили наибольшее развитие в постбиполярный период¹⁹.

В свою очередь, британский исследователь Мэтью Дойдж выделяет две других разновидности межрегионализма: (1) нацеленный вовнутрь, на укрепление собственного потенциала; и (2) нацеленный вовне, на проявление активности в глобальном масштабе²⁰. Очевидно, что это деление перекликается с дихотомией «закрытого» и «открытого» регионализма: в первом случае, имеет место желание государств региона отгородиться от мировой экономики, проводя протекционистскую политику и опираясь на импортозамещение; во втором случае, региональные структуры используются странами региона для более эффективной и менее болезненной интеграции в мировую экономику²¹. Те же процессы наблюдаются и на межрегиональном уровне.

Как отмечают Джан Гардини и Андре Маламут, специфика межрегиональных отношений состоит в том, что в них участвуют не только государства, но и надгосударственные и негосударственные акторы. При этом задействуются не только формальные переговорные механизмы, но и механизмы неформального диалога. Эти отношения, как правило, асимметричны (состав участников варьируется от высокоинституционализированных наднациональных организаций до слабо соединённых между собой государств и территорий) и охватывают, в первую очередь, вопросы экономики и взаимовыгодного сотрудничества. Проблемам «высокой политики», связанным с международной безопасностью, в рамках межрегиональных

объединений обычно уделяется второстепенное внимание. Особенностью межрегионализма является также наличие пересекающихся или накладывающихся друг на друга региональных пространств (например, развитие диалога ШОС-ЕАЭС)²².

Согласно классификации Дж. Гардини и А. Маламута, существует ещё одна разновидность межрегионализма – «невидимый» межрегионализм (*stealth interregionalism*), который характеризуется отсутствием формальной институционализации устойчивых межрегиональных связей. В качестве примера «невидимого» межрегионализма можно привести валютную интеграцию, сложившуюся между рядом стран Африки и зоной евро: как известно, западноафриканский франк (официальная валюта в восьми странах), центральноафриканский франк (официальная валюта в шести странах), коморский франк, кабо-вердийское эскудо и добра Сан-Томе и Принсипи привязаны к евро двусторонними соглашениями, что фактически способствует формированию единой трансконтинентальной валютной зоны²³. Вместе с тем, отсутствие формальной институционализации не позволяет отнести «невидимый» межрегионализм к межрегионализму «в чистом виде», описанному Х. Хэнги.

Дж. Гардини и А. Маламут выделяют четыре типа отношений между регионами: (1) *лидерство*, когда более сильное региональное объединение берёт на себя ответственность за установление целей, мониторинг прогресса и предоставление инструментов для того, чтобы ведомый регион выполнял достигнутые между ними договорённости; (2) *эмуляция*, когда нарождающееся интеграционное объединение копирует институты и перенимает опыт ведущего региона; (3) *экономическая помощь*, когда регион-донор оказывает технологическую, финансовую и иную поддержку региону-реципиенту; и (4) *обмен*, когда регионы заключают взаимовыгодные договорённости

¹⁹ Ibid. P. 52.

²⁰ Doidge, M. Joined at the Hip: Regionalism and Interregionalism // *Journal of European Integration*, 2007, Vol. 29, No. 2, p. 242.

²¹ Bowles, P. ASEAN, AFTA and the «New Regionalism» // *Pacific Affairs*, 1997, Vol. 70, No. 2, p. 225.

²² Gardini, G.L.; Malamud, A. Debunking Interregionalism: Concepts, Types and Critique – With a Transatlantic Focus // *Atlantic Future Working Paper*, 2015, No. 38, pp. 3-7.

²³ Ibid. P. 7.

в торгово-экономической или иной сфере²⁴. Таким образом, можно предположить, что большинство межрегиональных соглашений укладывается в логику сотрудничества по линии Север-Юг или Юг-Юг.

Завершая разговор о межрегионализме, следует подчеркнуть, что это многоуровневый, многофакторный процесс, охватывающий всё более широкий круг международных акторов. По мнению уже упоминавшегося выше Р. Фона, «оценки того, как регионы функционируют и взаимодействуют, усложняются тем, что регионы находятся в процессе постоянного становления; это незавершённые проекты, которые, к тому же, отличаются проницаемостью, взаимосвязанностью, способностью оказывать влияние и подвергаться регулярному влиянию со стороны других акторов и регионов»²⁵. Межрегионализм тесно связан с трансрегионализмом, который иногда рассматривают как одну из его разновидностей. Однако, на наш взгляд, в случае с трансрегионализмом мы имеем дело с принципиально новым явлением, требующим самостоятельного теоретического осмысления.

Трансрегионализм (Transregionalism)

Термином «трансрегионализм» принято обозначать «создание интегрированных объединений между различными региональными кластерами, не привязанных к географическому фактору (БРИКС, ТП и пр.)»²⁶. Трансрегионализм подразумевает «формирование общих пространств, проходящих между (between) регионов и сквозь (across) регионы, в которых составляющие их элементы (индивиды, сообщества, организации) взаимодействуют и имеют тесные

ассоциативные связи друг с другом»²⁷. Он представляет собой относительно новый феномен международной жизни, своего рода «межрегионализм без регионов» (термин Юргена Рюланда). Логика современного трансрегионализма принципиально отличается от той логики, которой руководствуются государства, вступая в региональные организации или заключая межрегиональные соглашения. Если региональные и межрегиональные группировки создаются для развития сотрудничества стран-участниц в сфере политики, экономики и безопасности, то трансрегиональные объединения образуются с целью обеспечить странам-членам возможность участия в процессе глобального управления.

Как полагает российский исследователь Д.А. Кузнецов, трансрегиональный уровень взаимодействия открывает новые возможности для принятия решений, имеющих мировое значение. Трансрегионализм предоставляет возможность формирования более эффективного механизма управления, нежели те, что могут быть созданы на глобальном и региональном уровнях, в силу того, что принятие решений на глобальном уровне сопряжено со сложностью поиска консенсуса между наиболее влиятельными участниками международных отношений, а принятие решений на региональном уровне, как правило, ограничивается рамками конкретного региона. Участие государства в трансрегиональных объединениях открывает перед ним новые возможности, позволяет находить новые эффективные конфигурации в объединении ресурсов, в обеспечении экономического процветания и безопасности, а также новые инструменты для реформирования глобальных институтов, многие из которых находятся в стагнации после краха биполярности²⁸.

²⁴ Ibid. Pp. 8-9.

²⁵ Fawn R. 'Regions' and Their Study: Wherefrom, What for and Whereto? // *Review of International Studies*, 2009, Vol. 35, Supplement S1, p. 14.

²⁶ Кузнецов Д.А. Феномен трансрегионализма: проблемы терминологии и концептуализации // *Сравнительная политика*. – 2016. – № 2. – С. 18 [Kuznetsov, D.A. Fenomen transregionalizma: problemy terminologii i kontseptualizatsii (The Phenomenon of Transregionalism: Problems of Terminology and Conceptualization) // *Sravnitel'naiia politika*. 2017, No. 2, P. 18].

²⁷ Dent, C.M. From Inter-Regionalism to Trans-Regionalism? Future Challenges for ASEM // *Asia Europe Journal*, 2003, Vol. 1, No. 2, p. 224.

²⁸ Кузнецов Д.А. Феномен трансрегионализма: проблемы терминологии и концептуализации // *Сравнительная политика*. – 2016. – № 2. – С. 22 [Kuznetsov, D.A. Fenomen transregionalizma: problemy terminologii i kontseptualizatsii (The Phenomenon of Transregionalism: Problems of Terminology and Conceptualization) // *Sravnitel'naiia politika*. 2017, No. 2, P. 22].

Объединение государств в рамках трансрегиональных группировок, как правило, имеет неформальный характер и не сопровождается заключением обязывающих договоров и соглашений. Трансрегиональный формат предполагает, скорее, организацию регулярных встреч в верхах для обсуждения насущных политических, экономических и секьюритарных проблем. По итогам многосторонних консультаций принимаются совместные заявления и декларации, отражающие общую позицию глав государств и правительств транснациональной группировки по ключевым вопросам, выносимым на обсуждение. Несмотря на низкую степень институционализации, решения, принимаемые на трансрегиональном уровне, распространяются на все сферы межгосударственного взаимодействия, включая проведение странами-участницами транснациональной группировки согласованной политики на мировой арене. По такому принципу работают G7, G20, БРИКС и другие аналогичные структуры, претендующие на участие в глобальном управлении.

В качестве отдельной разновидности трансрегионального сотрудничества можно рассматривать и образование мировых энергетических картелей, таких как Организация стран-производителей и экспортёров нефти (ОПЕК) или Форум стран-экспортёров газа (ФСЭГ). Несмотря на то, что эти объединения преследуют довольно специфические цели, принимаемые ими решения имеют глобальные последствия и должны, на наш взгляд, рассматриваться в контексте международной проблематики, связанной с глобальным управлением.

Как отмечают авторы коллективной монографии «Глобальное управление: возможности и риски» под редакцией академиков РАН В.Г. Барановского и Н.И. Ивановой, «теоретические идеи, лежащие в основе современной практики глобального управления, имеют в основном западное происхождение. США, ведущие члены ЕС и в целом страны ОЭСР, выступавшие в роли лидеров глобализации и формирования нового мироустройства после окончания «холодной войны», с 1980-х годов формировали основную повестку обсуждения проблематики глобального

управления в международных организациях. Естественно, что они стремились выстроить систему принципов и институтов международного регулирования, основанных на присущих им ценностях. Предполагалось, что будет сохраняться и особая роль этих стран в мировом развитии»²⁹.

Тем не менее, начиная со второй половины 2000-х гг. на смену традиционным лидерам приходят крупные не-западные страны, ранее остававшиеся на периферии глобального управления: Китай, Индия, Бразилия, Россия. Руководство этих стран претендует на новую, более значимую роль в формировании глобальной повестки, обсуждении проблем развития мировой экономики и международных отношений, участии в регулировании процессов финансово-экономической и политической глобализации. По мнению экспертов, «на следующие два десятилетия придется этап дальнейшей идейно-теоретической проработки принципов глобального управления, продолжится расширение внимания к моделям его практической реализации в различных пространствах и сферах»³⁰. Есть все основания полагать, что процесс трансрегионализации будет расширяться за счёт включения в него новых государств (что уже происходит – примером здесь может служить создание D8, МИКТА и других группировок) и углубляться за счёт обращения мировых лидеров к новой, актуальной проблематике (в первую очередь, связанной с экологией и нетрадиционными угрозами безопасности).

Заключение

Последовательно рассмотрев теории регионализма, межрегионализма и трансрегионализма, перейдём к выводам о природе этих международных процессов. Общим для них является то, что все они связаны с процессом глобализации и представляют собой коллективную

²⁹ Глобальное управление: возможности и риски / под ред. В.Г. Барановского, Н.И. Ивановой. – М.: ИМЭМО РАН, 2015. – С. 7. [Global'noe upravlenie: vozmozhnosti i riski (Global governance: Opportunities and Challenges) / Ed. by V.G. Baranovski, N.I. Ivanova. Moscow: IMEMO RAN, 2015. P. 7.]

³⁰ Ibid. Pp. 7-8.

реакцию на него, варьирующуюся от региона к региону. Вместе с тем, цели и масштаб их существенно разнятся. Регионализм опирается на межгосударственное и, шире, трансрегиональное сотрудничество в пределах международного региона. Он подчиняется логике установления институционализированных взаимосвязей, которые могут принимать различные формы – от регулярных консультаций на министерском уровне до создания наднациональных органов и выработки общей согласованной политики. Особенностью регионализма является ограничение масштаба взаимодействия государств и негосударственных акторов региональными рамками (при этом регион может пониматься не только как географическая данность, но и как аналитический конструкт). Регионализм может быть «закрытым» (направленным на противодействие вызовам глобализации) и «открытым» (нацеленным на планомерное встраивание в глобальные процессы).

Межрегиональное сотрудничество развивается на базе институционализированных соглашений между государствами-представителями двух и более международных регионов, которые могут выступать как поодиночке (так называемый квази- или гибридный межрегионализм), так и в составе региональной организации или неформального регионального блока. Логика межрегионализма основывается на стремлении расширить географию экономического взаимодействия за счёт выхода на новые региональные рынки. Как правило, межрегиональные объединения создаются там, где имеет место взаимный экономический интерес, хотя нельзя исключать и политическую составляющую этого процесса – как, например, в проекте Трансатлантического торгово-инвестиционного партнёрства (ТТИП).

В основе трансрегионального сотрудничества, напротив, лежат, в первую очередь, политические факторы, а именно, стремление отдельных государств, разделяющих общие ценности, объединиться ради более эффективного участия в глобальном управлении. Трансрегионализм предполагает проведение регулярных встреч на высшем уровне, однако результаты этих встреч, принятые в ходе многосторонних консультаций решения не имеют обязывающего характера: речь идёт лишь о

намерениях сторон придерживаться согласованного курса при решении определённых глобальных проблем. В отличие от «старого» трансрегионализма времён «холодной войны», «новый» трансрегионализм не подразумевает создания военно-политических блоков или какого-либо ограничения свободы участниц в проведении своей внешнеполитической линии. Принципиальной его особенностью является нацеленность последних на поиск компромиссов, согласование позиций и стремление выступать единым фронтом на мировой арене (в частности, на переговорах о реформе глобальных политических, торговых и финансовых структур).

Таким образом, подводя итоги вышесказанному, можно заключить, что процессы регионализации, межрегионализации и трансрегионализации не являются взаимоисключающими: напротив, они развиваются параллельно, хотя и основываются на разной логике. Отмирание «старых» и появление «новых» версий регионализма, межрегионализма и трансрегионализма свидетельствует о том, что с течением времени логика их развития заметно эволюционировала (и продолжает эволюционировать). В целом, очевидно, что данные процессы, долгое время находившиеся на периферии научного интереса учёных-международников, начинают привлекать к себе всё большее внимание экспертно-аналитического сообщества. Представляется, что региональные исследования могут внести существенный вклад в развитие современной теории международных отношений.

Литература:

- «Большая Восточная Азия»: мировая политика и региональные трансформации / под ред. А.Д. Воскресенского. – М.: МГИМО-Университет, 2010. – с. 93-94.
- Воскресенский А.Д. Концепции регионализации, региональных подсистем, региональных комплексов и региональных трансформаций в современных международных отношениях // Сравнительная политика. – 2012. – № 2. – с. 30-58.
- Глобальное управление: возможности и риски / под ред. В.Г. Барановского, Н.И. Ивановой. – М.: ИМЭМО РАН, 2015.
- Каримова А.Б. Регионы в современном мире // Социологические исследования. – 2006. – № 5. – с. 32-41.
- Киреев А.А. Понятие «регион» и предметно-методологические проблемы регионоведения // Регионалистика. – 2014. – Т. 1. – № 1. – с. 18-32.
- Кузнецов Д.А. Феномен трансрегионализма: проблемы терминологии и концептуализации // Сравнительная политика. – 2016. – № 2. – с. 14-25.

Межевич Н.М. Определение категории «регион» в современном научном дискурсе // Псковский регионально-логический журнал. – 2006. – № 2. – с. 3-22.

Мировое комплексное регионоведение: учебник / под ред. А.Д. Воскресенского. – М.: Магистр; ИНФРА-М, 2014.

Прохоренко И.Л. Новый регионализм и трансформация международного порядка // Пути к миру и безопасности. – 2015. – № 2. – с. 20-28.

Тойнби А. Дж. Постижение истории. Сборник / Пер. с англ. Е. Д. Жаркова. – М.: Рольф, 2001. – 640 с.

Agnew, J. Regions on the Mind Does Not Equal Regions of the Mind // *Progress in Human Geography*, 1999, Vol. 23, No. 1, p. 93.

Agnew, J.A. Arguing with Regions // *Regional Studies*, 2013, Vol. 47, No. 1, pp. 6-17.

Baert, F.; Scaramagli, T.; Söderbaum, F. Introduction: Intersecting Interregionalism // *Intersecting Interregionalism. Regions, Global Governance and the EU*. Dordrecht: Springer Netherlands, 2014. Pp. 1-12.

Börzel, T.A. Theorizing Regionalism: Cooperation, Integration, and Governance // *Oxford Handbook of Comparative Regionalism* / Ed. by T.A. Börzel, T. Risse. Oxford: Oxford University Press, 2016. Pp. 1-29.

Bowles, P. ASEAN, AFTA and the «New Regionalism» // *Pacific Affairs*, 1997, Vol. 70, No. 2, p. 225.

Buzan, B.; Wæver, O. Regions and Powers: The Structure of International Security. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 564 p.

Dent, C.M. From Inter-Regionalism to Trans-Regionalism? Future Challenges for ASEM // *Asia Europe Journal*, 2003, Vol. 1, No. 2, p. 224.

Doidge, M. Joined at the Hip: Regionalism and Interregionalism // *Journal of European Integration*, 2007, Vol. 29, No. 2, pp. 229-248.

Fawn, R. 'Regions' and Their Study: Wherefrom, What for and Whereto? // *Review of International Studies*, 2009, Vol. 35, Supplement S1, pp. 5-34.

Fjäder, C. Regionalism in Asia and Europe in a Theoretical Perspective: 'Rationalist' and 'Ideational' Approaches // *Asia-Pacific Journal of EU Studies*, 2012, Vol. 10, No. 1, pp. 73-101.

Gardini, G.L.; Malamud, A. Debunking Interregionalism: Concepts, Types and Critique – With a Transatlantic Focus // *Atlantic Future Working Paper*, 2015, No. 38, pp. 1-23.

Hänggi, H. Interregionalism as a Multifaceted Phenomenon: In Search of a Typology // *Interregionalism and International Relations: A Stepping Stone to Global Governance?* / Ed. by H. Hänggi, J. Rüländ, R. Roloff. N.Y.-L.: Routledge, 2005. Pp. 31-62.

Hettne, B. Beyond the 'New' Regionalism // *New Political Economy*, 2005, Vol. 10, No. 4, pp. 545-546.

Hurrell, A. Regionalism in Theoretical Perspective // *Regionalism in World Politics: Regional Organizations and International Order* / Ed. by L. Fawcett, A. Hurrell. Oxford: Oxford University Press, 1995. Pp. 37-73.

Langenhove, L. Van. What Is a Region? Towards a Statehood Theory of Regions // *Contemporary Politics*, 2013, Vol. 19, No, pp. 474-490.

Lewis, M. W. The Myth of Continents: A Critique of Metageography / M. W. Lewis, K. E. Wigen. Berkeley-Los Angeles, CA: University of California Press, 1997. Pp. 194-200.

Paasi, A. The Region, Identity, and Power // *Procedia – Social and Behavioral Science*, 2011, Vol. 14, No. 1, pp. 9-16.

References:

«Bol'shaia Vostochnaia Azia»: mirovaia politika i regional'nye transformatsii (Greater East Asia: World Politics and Regional Transformations) / Ed. by Alexei D. Voskressenski. Moscow: MGIMO-Universitet, 2010. Pp. 93-94.

Agnew, J. Regions on the Mind Does Not Equal Regions of the Mind // *Progress in Human Geography*, 1999, Vol. 23, No. 1, p. 93.

Agnew, J.A. Arguing with Regions // *Regional Studies*, 2013, Vol. 47, No. 1, pp. 6-17.

Baert, F.; Scaramagli, T.; Söderbaum, F. Introduction: Intersecting Interregionalism // *Intersecting Interregionalism. Regions, Global Governance and the EU*. Dordrecht: Springer Netherlands, 2014. Pp. 1-12.

Börzel, T.A. Theorizing Regionalism: Cooperation, Integration, and Governance // *Oxford Handbook of Comparative Regionalism* / Ed. by T.A. Börzel, T. Risse. Oxford: Oxford University Press, 2016. Pp. 1-29.

Bowles, P. ASEAN, AFTA and the «New Regionalism» // *Pacific Affairs*, 1997, Vol. 70, No. 2, p. 225.

Buzan, B.; Wæver, O. Regions and Powers: The Structure of International Security. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 564 p.

Dent, C.M. From Inter-Regionalism to Trans-Regionalism? Future Challenges for ASEM // *Asia Europe Journal*, 2003, Vol. 1, No. 2, p. 224.

Doidge, M. Joined at the Hip: Regionalism and Interregionalism // *Journal of European Integration*, 2007, Vol. 29, No. 2, pp. 229-248.

Fawn, R. 'Regions' and Their Study: Wherefrom, What for and Whereto? // *Review of International Studies*, 2009, Vol. 35, Supplement S1, pp. 5-34.

Fjäder, C. Regionalism in Asia and Europe in a Theoretical Perspective: 'Rationalist' and 'Ideational' Approaches // *Asia-Pacific Journal of EU Studies*, 2012, Vol. 10, No. 1, Vol. 73-101.

Gardini, G.L.; Malamud, A. Debunking Interregionalism: Concepts, Types and Critique – With a Transatlantic Focus // *Atlantic Future Working Paper*, 2015, No. 38, pp. 1-23.

Global'noe upravlenie: vozmozhnosti i riski (Global governance: Opportunities and Challenges) / Ed. by V.G. Baranovski, N.I. Ivanova. Moscow: IMEMO RAN, 2015.

Hänggi, H. Interregionalism as a Multifaceted Phenomenon: In Search of a Typology // *Interregionalism and International Relations: A Stepping Stone to Global Governance?* / Ed. by H. Hänggi, J. Rüländ, R. Roloff. N.Y.-L.: Routledge, 2005. Pp. 31-62.

Hettne, B. Beyond the 'New' Regionalism // *New Political Economy*, 2005, Vol. 10, No. 4, pp. 545-546.

Hurrell, A. Regionalism in Theoretical Perspective // *Regionalism in World Politics: Regional Organizations and International Order* / Ed. by L. Fawcett, A. Hurrell. Oxford: Oxford University Press, 1995. Pp. 37-73.

Karimova, A.B. Regiony v sovremennom mire (Regions in the Contemporary World) // *Sotsiologicheskie issledovaniia*, 2006, No. 5, pp. 32-41.

Kireev, A.A. Poniatie «region» i predmetno-metodologicheskie problemy regionovedeniia (The Concept of Region and Subject-Methodological Issues of Regional Studies) // *Regionalistika*, 2014, Vol. 1, No. 1, pp. 18-32.

Kuznetsov, D.A. Fenomen transregionalizma: problemy terminologii i kontseptualizatsii (The phenomenon

of transregionalism: Problems of Terminology and Conceptualization) // *Sravnitel'naiia politika*, 2016, No. 2, pp. 14-25.

Langenhove, L. Van. What Is a Region? Towards a Statehood Theory of Regions // *Contemporary Politics*, 2013, Vol. 19, No. pp. 474-490

Lewis, M. W. The Myth of Continents: A Critique of Metageography / M. W. Lewis, K. E. Wigen. Berkeley-Los Angeles, CA: University of California Press, 1997. Pp. 194-200.

Mezhevich, N.M. Opredelenie kategorii «region» v sovremennom nauchnom diskurse (Definition of the Region in the Contemporary Scholarly Discourse) // *Pskovskii regionologicheskii zhurnal*, 2006, No. 2, pp. 3-22.

Mirovoe kompleksnoe regionovedenie: uchebnik (World Regional Studies: A Textbook) / Ed. by Alexei D. Voskressenski. Moscow: Magistr; INFRA-M, 2014.

Paasi, A. The Region, Identity, and Power // *Procedia – Social and Behavioral Science*, 2011, Vol. 14, No. 1, pp. 9-16.

Prokhorenko, I.L. Novyi regionalizm i transformatsiia mezhdunarodnogo poriadka (The New Regionalism and Transformation of the World Order) // *Puti k miru i bezopasnosti*, 2015, No. 2, pp. 20-28.

Toynbee, A. Dzh. Postizhenie istorii. Sbornik (Study of History) / Transl. by E.D. Zharkov. Moscow: Rol'f, 2001. 640 p.

Voskresenskii, A.D. Kontseptsii regionalizatsii, regional'nykh podsystem, regional'nykh kompleksov i regional'nykh transformatsii v sovremennykh mezhdunarodnykh otnosheniakh (Concepts of Regionalization, Regional Subsystems, and Regional Transformations in the Contemporary IR) // *Sravnitel'naiia politika*, 2012, No. 2, pp. 30-58.

<http://dx.doi.org/10.18611/2221-3279-2017-8-2-58-72>

FROM REGIONALISM TO TRANSREGIONALISM: THEORETIC UNDERSTANDING OF A NEW REALITY

Kseniia A. Efremova

MGIMO University, Moscow, Russia

<p>Article history:</p> <p><i>Received:</i></p> <p>19 December 2016</p> <p><i>Accepted:</i></p> <p>27 February 2017</p>	<p>Abstract: Regionalism as an international phenomenon dates back to post-WWII decades. It is well studied both in theoretical and practical perspective. It is quite clear to most researchers what the “old” or “new” regionalism is, and what kind of logic stands behind it. However, the classic theory of regionalism does not explain contemporary processes of interregional and transregional integration, which we witness today. A common point of the three approaches (namely, regionalism, interregionalism and transregionalism) is that all of them are related to globalization. Each of these approaches constitutes a response to globalisation’s challenges, which varies from region to region. Nevertheless, their aims and scope differ greatly. Regionalism represents interstate and transnational co-operation within an international region. It is derived from the logic of institutionalized interactions that may take a range of forms—from regular consultations on the ministerial level to creation of supranational bodies and common policies. Interregional co-operation implies institutionalized agreements between states representing two or more regions, which can act either on their own (i.e. quasi-interregionalism, or hybrid interregionalism) or as a part of a regional organization / informal regional group of states. The logic of interregionalism dwells on the wish for widening the geographic scope of economic interaction by opening new regional markets. Transregional co-operation, on the contrary, is promoted primarily by political factors, such as the wish of some states, which share common values, to unite their efforts in order to play a greater role in global governance. It is argued that the study of regionalism, interregionalism and transregionalism can make an essential contribution to the development of the contemporary theory of international relations.</p>
<p>About the author:</p> <p>Candidate of Political Science, Associate Professor, Department of Asian and African Studies, MGIMO University</p> <p>e-mail: efremova@mgimo.ru</p>	
<p>Key words:</p> <p>Region, macroregion, megaregion, regionalization, regionalism, interregionalism, transregionalism.</p>	

Для цитирования: Ефремова К.А. От регионализма к трансрегионализму: теоретическое осмысление новой реальности // *Сравнительная политика*. – 2017. – № 2 – С. 58-72.

DOI: 10.18611/2221-3279-2017-8-2-58-72

For citation: Efremova, Kseniia A. Ot regionalizma k transregionalizmu: teoreticheskoe osmyslenie novoi real'nosti (From Regionalism to Transregionalism: Theoretic Understanding of a New Reality) // *Comparative Politics Russia*, 2017, No. 2, pp. 58-72.

DOI: 10.18611/2221-3279-2017-8-2-58-72